Внутренняя колонизация. Имперский опыт России

АЛЕКСАНДР ЭТКИНД

НЛО

«ПО МЕРЕ ТОГО КАК ПРЕДПРИИМЧИВЫЕ ПОДДАННЫЕ ИМПЕРИИ ПОДРЫВАЛИ ЕЕ МОНОПОЛИЮ НА ПОРОХ, ОРУЖИЕ И ФЕЙЕРВЕРКИ, ЗАКАНЧИВАЛСЯ И ВЫСОКИЙ ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД. ПОРОШОК, КОТОРЫМ ПОБЕЖДАЛИ ВРАГОВ И ПРАЗДНОВАЛИ ПОБЕДЫ, СГОДИЛСЯ И НА ТО, ЧТОБЫ УБИВАТЬ ИМПЕРАТОРОВ И УНИЧТОЖИТЬ ИМПЕРИЮ»

АЛЕКСАНДР Эткинд, историк, филолог, культуролог, психолог (автор, среди прочего, важной книги «Эрос невозможного» об истории психоанализа в России), написал «Внутреннюю колонизацию» по-английски. Сейчас, спустя два года вышел ее перевод, и для русской гуманитарной науки это явно должно стать важным событием.
Книга эта — не совсем уловимого жанра: не строгая монография, но и не собрание эссе, не линейное повествование, но и не ассоциативная мозаика. Главное: сюжет здесь неотделим от подхода. Эткинд предлагает посмотреть на историю России сквозь призму постколониальных исследований и тем самым довольно сильно изменить представление о том и о другом. История — от Средних веков (чуть ли не от Рюрика, по крайней мере он, а точнее, его восприятие в русской историографии и идеологии — тоже важный сюжет) и до революции (а на самом деле — до сегодняшнего дня). Все это время Новгородская и Киевская Русь, Московское княжество, Российская империя были парадоксальной страной, непрестанно занимавшейся колонизацией и одновременно вновь и вновь оказывавшейся для этой колонизации объектом. Исторические модели, построенные на опыте других империй, применимы к России лишь отчасти — по той причине, что между метрополией и колонией здесь не было очевидного разрыва — океанического, национального, какого угодно. Напротив, метрополия (то, что логичнее всего называть «Россией») раз за разом сама оказывалась в положении главной колонии — опыт внешней колонизации, завоевания новых территорий и освоения их переносился властями на территории внутренние. «Свой народ» оказывался в роли колониального «другого», источника экономического процветания и объекта социальных экспериментов, источника постоянного страха и, наоборот, становился местом поиска утопии, неведомой цивилизованному европейцу «правды» (к примеру, Эткинд увлекательно описывает, как конструировался в XIX веке среди интеллигенции культ до того никому не интересной крестьянской общины).
Это — очень схематичное описание книги. В ней, помимо того, множество интереснейших сюжетов, остроумных метафор и вдохновляющего анализа социальных практик, исторических нарративов, литературных текстов. К «Внутренней колонизации» может, конечно, быть много претензий: между красивыми концепциями и любопытными фактами тут иногда немного эфемерная, теряющаяся связь, тут многое написано как будто для красного словца. Но это все мелочи. Если взять книгу Эткинда как целую конструкцию, она, пожалуй, вызывает восхищение. Это в каком-то смысле — целая новая «История России», дающая ключ к очень многим вещам, теряющимся в более классических, привычных версиях. История — совсем не академическая, принципиально пунктирная. Но именно это свойство делает ее убедительной и свободной, сопротивляющейся тотальности имперского опыта — причем как гордости, так и ужасу, которые он уже по привычке вызывает.

название: Тет-а-тет: переписка, диалоги, интерпретация, фактография
автор: **ВИКТОР АГАМОВ-ТУПИЦЫН, АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ**
издатель: Библиотека московского концептуализма Германа Титова

Искусствовед (а также художник и поэт) Виктор Тупицын был одним из первых эмигрантов в московском концептуальном круге. В 1975 году Тупицын вместе с женой Маргаритой, тоже заметным искусствоведом, перебрался в Нью-Йорк и на долгое время стал главным связующим звеном между московским андерграундом и американским художественным миром (там, впрочем, уже находились Комар и Меламид, Мамлеев, Лимонов, Бахчанян — все они мелькают в тупицынских письмах,— но те не очень-то стремились поддерживать контакты с оставленной родиной). Главной линией этой многолетней связи была переписка между Тупициным и Андреем Монастырским. Она, собственно, составляет основу этой книги (помимо того здесь — несколько диалогов, пара статей Тупицына о «Коллективных действиях», много интересных фотографий не самых известных вещей). Но важнее всего именно переписка. Это странная вещь: отчасти — совсем личные послания: жены, дети, сплетни, признания в любви, отчасти — важный документ по истории андерграунда (все-таки синхронный рассказ о новых художественных событиях совсем не то, что позднейшая героизация, а таких документов у нас очень мало), отчасти — странный ускользающий («колобковый», как сказал бы сам Монастырский) пример концептуального философического письма. Так посреди вполне будничных вещей тут может возникнуть пассаж вроде «Ты пишешь о черной (светлой) дыре — смерти: нам нравится эта дыра в каждый момент времени — за чашкой чая, за чтением Клюшникова, за размышлениями об искусстве и за красной Тарой в стереоскопических линиях барочной Нирваны. Одним словом, за всяким интеллектуальным китчем нам нравится переживать ветер, который мы поднимаем в то время, как он начинает дуть. Или что-нибудь в том же (или другом) духе».

название: Обратная сторона Луны
автор: **КЛОД ЛЕВИ-СТРОСС**
издатель: Текст

Эта книга знаменитого антрополога и структуралистского классика вышла во Франции два года назад, после смерти автора, и, если честно, ее скорее наскребли по сусекам. Здесь собраны тексты Клода Леви-Стросса, посвященные Японии,— несколько небольших заметок, два выступления и одно интервью. Япония скорее не входила в поле леви-строссовских научных интересов, но была для него предметом искренней детской, а затем и взрослой любви, источником вдохновения. Он даже не изучает, а всматривается в японскую культуру, религиозное и социальное сознание, пытаясь уловить их принципы, сравнить как с западным миром, так и с привычными для него первобытными племенами. Для Леви-Стросса Япония — нечто вроде цивилизации абсолютной объективности, в которой человек не изучает остальной мир, не определяет его через себя, а напротив — достраивает самого себя от мира, сознается результирующей точкой природных и социальных процессов. В нескольких текстах он повторяет, что даже бревна японцы пилят, вытягивая пилу к себе, а не от себя, как в остальных странах: «я» становится результатом действия, а не его истоком. Таких изящных наблюдений в этой книжке встречается довольно много, хотя все это скорее наброски, замечания, своего рода антропологическая лирика, чем оформившаяся концепция. В целом «Обратная сторона Луны» — чтение совсем факультативное, но довольно любопытное.

название: Неединая Россия
автор: **ОЛЕСЯ ГЕРАСИМЕНКО**
издатель: Common place

Эту небольшую книжку журналиста Олеси Герасименко можно читать как продолжение, постскриптум или своего рода практический поворот в современность к исследованию Эткинда. По сути «Неединая Россия» — рассказ про нынешнее состояние Российской (пост)империи, про то, что стало сегодня с последствиями многовекового колониализма (фразу «Мы для них колония» буквально произносит один из героев Герасименко — екатеринбургский бизнесмен Андрей Гавриловский). Сюжет здесь — современный российский сепаратизм и регионализм — в разной степени радикальное стремление к автономии от высасывающего соки центра государства, вспыхивающее в разных областях. Дальний Восток, Сибирь, Урал, Русский Север, Калининград и даже Санкт-Петербург, где действует любопытное движение ингерманландцев (назвавшихся так в честь племени, обитавшего тут до петровской активности). Все эти движения объединяет лозунг «Хватит кормить Москву» и отвращение к лицемерной конструкции под названием «Российская Федерация», в которой федеральные единицы давно превратились одни — в сырьевой придаток, другие — в репутационный симулякр. «Неединая Россия» — не то что большая литература или вдумчивое политологическое исследование, это просто сборник журналистских статей, но книга все же очень важная. Люди, с которыми разговаривает Герасименко, часто немного комичные, иногда — чуть жуликоватые, бывает — несимпатичные идеологически, но это не главное. В любом случае этот неуверенный центробежный процесс, может быть, самое важное, что происходит сейчас в российской политике, важнее борьбы за честные выборы или консервативной идеологической маеты. И для некоего отрезвления, а одновременно — рассеивания взгляда эта книга очень ценна. Тем более что она вселяет пусть смутную, но надежду.